

В.И. Бушков

МУЖСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ В XX СТОЛЕТИИ: ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ¹

Данная статья посвящена мужским объединениям населения Ферганской долины в ее географических рамках и по сути является продолжением предполагаемой серии работ о мужских объединениях Средней Азии, начатой публикацией «Мужские объединения на современном этапе развития таджикостанского общества» («Расы и народы». Вып. 27. М., 2001). В упомянутой статье приведены также материалы по мужским объединениям Науского, Джабаррасуловского (б. Пролетарского) и Ходжентского районов Согдийской (б. Ленинадской) обл. Республики Таджикистан, географически относящихся к Фергане. Это было сделано исключительно по культурологическим соображениям, поскольку мужские объединения упомянутых районов по своим формам ближе к уратюбинско-зеравшанским вариантам, чем к ферганским.

Поскольку полевые материалы собирали преимущественно в 1970–1980-е годы и лишь в незначительной мере в первой половине 1990-х годов, в настоящей статье фактически подводятся итоги исследований по заявленной тематике за почти 100-летний период, поскольку кроме собственных полевых материалов используется и весь комплекс введенных в научный оборот сведений, относящихся к Фергане¹.

Если рассмотреть обследованные селения в географическом плане, то из более чем 30 селений, сведения о мужских объединениях которых использованы и опубликованы, 2 относятся к современной Желалабадской обл. Республики Киргизстан (б. Алабукинский р-н Ошской обл. КиргССР), около 20 – к наманганско-андижанскому пограничью Республики Узбекистан, 6 – к округе Намангана, остальные – к долине р. Соха той же республики.

Обследованные мной 40 селений распределяются следующим образом: Аштский р-н Республики Таджикистан – 8 селений, Канибадамский р-н – 1 селение, Исфаринский р-н – 11 селений; Ферганская обл. Республики Узбекистан – 6 селений, Наманганская обл. – 4 селения, Андижанская обл. – 5 населенных пунктов; Желалабадская обл. Республики Киргизстан – 2 селения, Ошская обл. – 1 населенный пункт, Баткенская обл. – 2 селения².

В целом по Ферганской долине мужские объединения известны в 76 селениях, что составляет не более 3–3,5% от общей численности селений Ферганы, однако в пространственном отношении эти сведения относятся практически ко всей территории долины.

В статье не будет рассматриваться собственно времяпрепровождение участников собраний (хотя при необходимости и будут даны некоторые примеры), основной проблемой станет анализ функциональных и адаптационных механизмов объединений.

В горных таджикских селениях Аштского р-на Республики Таджикистан (далее – РТ), прилегающих к нему районам Наманганской обл. Республики Узбекистан (далее – РУ) и Желалабадской обл. Республики Киргизстан (далее – РК), а также расположенных на левом берегу Сырдарьи селениях Исфаринского и Канибадамского районов РТ для обозначения мужских объединений чаще всего использовался термин *gapхури* («угощение на гапе»)³. Он был распространен в селениях Пангаз, Ашт, Пунук, Гудас, Хозрати-буво (около 30% населения – киргизы), Ворух, Сурх, Ляккан (около половины населения – узбеки), г. Исфара и др. В то же время, например, в ряде

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-01-00290а).

таджикских селений Исфаринской долины употреблялись и другие названия. В сел. Чорку мужские объединения называли *гаштак*⁴, а в Кулькенте – *гапфона*, в смешанном таджикско-узбекском сел. Ляккан – *гапхури* и *гап* (разговор, беседа), четко различая их по организационным признакам.

Под термином *гапхури* в этих селениях в основном понимался принцип долговременной складчины. В сел. Сурх Исфаринского р-на РТ собрания организовывались следующим образом. По окончании осенних полевых работ мужчины договаривались между собой о том, сколько человек, у кого и в течение какого срока будут собираться. После этого устраивалось «организационное собрание». В один из вечеров хозяин *мехмонхоны* (гостиная, гостиница), в которой предполагалось собираться, созывал всех возможных участников и угощал их за свой счет. На этом собрании они договаривались, в частности, и о сумме денежных взносов. Несколько иначе дело происходило в Ляккане, где по окончании осенних полевых работ кто-либо из желающих объявлял, что он хочет открыть мехмонхону на предстоящий сезон и приглашал желающих посетить его в определенный вечер. На этом первом собрании и решались основные организационные вопросы о составе участников, сроках сборов и денежных средствах на закупку продуктов.

В то же время в селениях Аштского р-на принцип долговременной складчины нередко совмещался (или заменялся) с принципом очередности при сохранении названия *гапхури*. В сел. Пангаз, например, основные продукты (мясо, рис, масло) закупались на весь сезон на общие деньги, а недостающие обеспечивались очередным организатором угощения. При этом каждое конкретное собрание могло называться *гапом*. В последние десятилетия и особенно в 1970-1980-е годы в Пангазе сбор денег все больше заменялся очередностью угощения. А в селениях Ашт и Гудас под термином *гапхури* вообще понималась очередность угощения. Этим же термином обозначали мужские собрания жители равнинного узбекского сел. Чеккупрук, понимавшие под ним полную сезонную складчину. В сел. Пунук Аштского р-на, где собирались ежедневно, собрания с приготовлением горячей пищи назывались *гапхури*, а те, во время которых обходились чаем с бакалеей, – *ульфати* (собрание друзей)⁵.

В равнинной части Западной Ферганы, в селениях как с таджикским, так и с узбекским населением, для обозначения мужских собраний применялся преимущественно термин *гап*⁶: это левобережные присырдарьинские селения Октябрь, Новостройка (б. Каракчикум) Канибадамского р-на РТ, Бешкапа, Ишон-кишлак, Тамаша, Арыкбаши Ферганской обл. РУ, правобережные селения Самгар, Камышкурган Аштского и Сарикамыш Ходжентского районов РТ, Чедак, Мазар-буво (Чоркесар), Ташкурган и другие Наманганской обл. РУ. Но и в этих селениях под *гапом* понимались различные по своей организации формы мужских собраний. Так, в таджикском сел. Каракчикум основные продукты закупались на сезон, лишь лепешки и бакалею приносили все по очереди. Здесь, таким образом, практиковался вариант долговременной складчины. Следует также иметь в виду, что селение было основано таджиками из южных районов, в частности из Матчи, где до сих пор практикуются варианты долговременной складчины⁷. Подобная ситуация наблюдалась и в узбекском сел. Арыкбаши, где на первом организационном собрании, называемом *ейлкийгар* (собрание для [совместной] трапезы), собирались деньги для покупки всех, без исключения, продуктов на сезон (доля каждого называлась *тукма*⁸). В узбекском сел. Ишон-кишлак сдавались деньги на покупку барана, остальные недостающие продукты доставлялись очередниками, дающими *гап*. Так же было и в ряде других селений, например в Маргузаре. По данным литературных источников, аналогичный порядок существовал и в прочих селениях центральной части Южной Ферганы (Учъяр, Риштан, Сох и некоторые другие)⁹.

В селении же Тамаша жители считали, что *гап* возможен или в виде сезонного сбора денег, или в виде очередности угощения. По договоренности практиковались обе эти формы. В сел. Бешкапа под *гапом* понималась одноразовая складчина. В то же время жители таджикских селений Самгар, Камышкурган, Чедак и узбекских селений

Мазар-буво, Сарикамыш и ряда других под гапом подразумевали только очередность угощения. когда каждый из участников полностью отвечал за организацию угощения и нес по нему все расходы.

Мужские объединения собирались в мехмонхоне, принадлежавшей кому-либо из участников. Как правило, это была одна и та же мехмонхона. Примерно в половине из обследованных мною селений, как таджикских, так и узбекских, как горных, так и равнинных, объединение включало мужчин с 17–20 лет¹⁰ до преклонного возраста. Таковы объединения г. Исфара, селений Кулькент, Сурх, Ляккан, Чильгазы, Ашоба, Каракчикум, Чедак, Чеккупрук, Яккатут, Маргузар и др. В сел. Маргузар все мужчины хотя и находились в одном помещении, но располагались отдельными группами в соответствии с возрастом. В сел. Тамаша практиковались как совместные собрания мужчин разного возраста, так и отдельные – все зависело от договоренности.

В селениях Ворух, Чорку, Ашт, Гудас, Сарикамыш, Камышкуртан, Самгар, Бешкапа, Арыкбаши и других молодежь и мужчины среднего возраста собирались отдельно от пожилых. Промежуточную группу составляли лица от 50 до 60 лет. В некоторых селениях возрастное деление было более дробным. В сел. Пунук группы формировались не по возрасту, а по профессиям. В сел. Чильгазы мужчины старше 60 лет собирались уже не в мехмонхоне, а в *худжере* при мечети. В селениях Пангаз и Мазар-буво в прошлом молодежь и пожилые люди собирались вместе, но с 1970-х годов они предпочитали сходитьсь раздельно, что объяснялось различиями интересов.

В сел. Каракчикум помимо собраний в мехмонхоне можно было круглый год собираться в чайхане. Такие собрания назывались *харифона*¹¹, что означало одноразовую складчину. Видимо, на них не так жестко соблюдался и определенный состав участников.

В равнинных и частично в предгорных селениях мехмонхона, где проводились собрания, называлась *гапхона* (помещение для бесед). Еще в первой половине XX в., как отмечали исследователи, при выборе мехмонхоны предпочтение отдавалось курным помещениям¹². Бытовавший еще сравнительно недавно в этом регионе очаг *чорчуб* (*чорчук*) – круглый или квадратный в плане, вокруг которого собирались участники гапов – ныне практически вышел из употребления и превратился в обычный *сандали* (квадратное углубление в полу помещения, куда зимой ставили низенький столик и жаровню с углями; вокруг нее греются члены семьи).

В Фергане, как и в других регионах, мужские объединения имели определенную внутреннюю структуру. Во всех компаниях выбирали старшего, называвшегося в разных селениях по-разному. Общим для всех объединений было то, что старшим практически всегда становился хозяин мехмонхоны, что, конечно, было удобно для участников собраний. Лишь в некоторых горных селениях, например Чорку и Сурх, а также в сел. Маргузар на эту выборную должность избирался самый авторитетный член группы. Наиболее употребительным обозначением старшего был широко распространенный термин *джурабоши* (глава друзей). Только в сел. Пангаз старшего называли *бобо-аллями* (дед-мудрец)¹³, а в сел. Ашт – *сардор* (глава, вождь, предводитель). Помощников для джурабоши в обследованных селениях не избирали. Выбирался только повар (*ошпаз*) из тех, кто хорошо готовил. В селениях Пунук, Маргузар и Мазар-буво повара называли *бакауль* (*боковул*)¹⁴. Повару помогали младшие участники собраний, но в сел. Сурх выбирали еще его помощника, который замещал повара во время его отсутствия по уважительной причине. Нередко повара поощряли за работу. Это могли быть устная благодарность, выносимая по окончании сезона, освобождение от обязанности устраивать угощение или же угощение повара и его семьи за счет группы¹⁵.

Нет необходимости специально останавливаться на времяпрепровождении участников группы – оно достаточно полно освещено в литературе. Однако небезынтересно привести мнение о сущности собраний одного из пожилых мужчин. Житель Исфары Абдухалик-ходжа, как и его сверстники из других селений, считал, что если раньше на этих встречах мужчин старики учили молодежь правильному поведению,

этикету, то сейчас этого уже нет, и сборы стали носить не воспитательный, а развлекательный характер¹⁶.

В центральной и восточной частях Ферганской долины, по свидетельству исследователей конца XIX в.¹⁷, мужские товарищества (*джурьы*) устраивались в среде как городского, так и сельского населения. Основными принципами их организации были долговременная складчина или очередность угощения. Как отмечали супруги Наливкины¹⁸, такие компании объединяли 15–20 мужчин, каждый из которых вносил пай в 3–7 руб. На собранные деньги закупались мясо, рис, овощи и топливо. Если хватало средств, то на всю зиму нанимался мальчик-*бача*¹⁹, также закупались чай, изюм и фисташки. Выбирались *джурабоши*, в доме которого большей частью и проходили ежедневные собрания, а также повар, или же готовили поочередно. После окончания собраний (поздней ночью) женатые мужчины расходились по домам, а молодежь оставалась ночевать.

Если джурьы организовывались по принципу очередности угощения, то каждый участник не только полностью нес расходы на него, но и оплачивал выступления бачи. Однако как следует из литературы²⁰, речь здесь идет о достаточно обеспеченной городской среде, представители которой могли не только нести существенно большие расходы (3 тилли=14 руб. 40 коп. серебром), но и содержать собственных, а не общественных бачей.

В конце 1920-х годов М.С. Андреев, описывая мужские объединения Касана, Алабуки, Хозрати-буво, основное население которых было таджикским, а в Алабуке, кроме того, проживали киргизы, отметил, что при организации этих объединений каждым членом вносился *тукма*, т.е. пай, членский взнос на расходы. На собранные деньги закупались продукты и дрова, а также два-три барана²¹. Точно так же, якобы, назывались и собрания в таджикском (выходцы из Каратегина и Самарканда) сел. Сох, где каждый из участников поочередно приносил в мехмонхону все необходимое для угощения, включая мясо и баранье сало²². Современные исследователи отмечают, что в Ферганской долине (селения Эски Хакулабад, Янги-кишлак, Дирляман, Сарай, Ишан, Араб-кишлак Андижанской обл., Элатан, Варзик, Каракурган, Гова Наманганской обл., Учьяр и Риштан Ферганской обл. и ряд других) мужские объединения назывались *гап*²³, *гаплаш* (сел. Эски Хакулабад)²⁴, *гапхури*, *джумагап* (пятничная беседа), *худжра*. Последнее название относится к объединениям мужчин старших возрастных групп, собрания которых проходили в мечетях. Как представляется, сообщивший его Р.Р. Рахимов смешал название собраний и место, где они проводятся²⁵. Автор указывал, что в этих собраниях принцип очередности сочетается с принципом складчины, причем для заготовки мяса каждый участник вносит пай 3–10 руб., на которые покупают двух-трех баранов. Р.Р. Рахимов считал также организационно неодинаковыми собрания, различающиеся по месту проведения и возрасту участников, даже в том случае, если в основе их функционирования лежали единые принципы, хотя здесь, несомненно, главным структурообразующим признаком являлся именно принцип организации.

Другой автор²⁶ применительно к мужским объединениям Ферганы упоминал термины *гап* и *гаштак*, имея в виду узбекское население группы селений северной части Андижанской обл. (Жеханабад, Майгир, Пайтуг, Чуама, Туячи, Лугумбек, Чунгбаши).

По нашим полевым материалам, в селениях Эгамбердыеабд, Бештал, Коштета и Манияк, расположенных в южной части Андижанской обл. и населенных узбеками, мужские собрания назывались *гап*. Причем в селениях Бештал, Коштета и Манияк под этим термином понималась полная очередность угощения, в сел. Эгамбердыеабд (б. Каракчи) гап существовал в двух формах, или вариантах. В одном случае кто-либо из участников (обычно малообеспеченный человек) на весь сезон предоставлял для собраний свой дом, где и происходили поочередные угощения (за это он освобождался от необходимости угощать друзей). Во втором случае собирались по очереди у каждого члена компании, который и организовывал угощение за свой счет. В том же сел. Эгамбердыеабд известен и термин *тукма*, по мнению информаторов, означавший

«сбрасываться продуктами». В конце 1980-х годов такая форма собраний, по их утверждению, уже не практиковалась.

В г. Андижан узбеки собирались на *зиёфат* (угощение, пир), практикуя однократную складчину. Узбеки Оша практиковали долговременную складчину. Именно у них до недавнего времени сохранялся интереснейший персонаж – *мыргызап* (выборная должность – «распределитель продуктов»). Между тем в таджикском языке слово *мири газаб* означало «палач» и восходило к названию соответствующей должности периода среднеазиатских деспотий. В ошских мужских объединениях в конце XX столетия *мыргызап* имитировал наказания за нарушения внутреннего этикета, что достаточно широко известно в Ферганской долине и других регионах.

По сведениям источников, в таджикском сел. Учъяр (Ишъяр), расположенном в верховьях долины р. Соха и населенном выходцами из Каратегина, а также в сел. Самгар (правобережье Сырдарьи вблизи Ходжента) домам мужчин принадлежали земли, которые совместно обрабатывали члены гапа. Доходы от них использовались для заготовки мяса²⁷.

Все исследователи единодушны в том, что в мужских объединениях Ферганской долины отсутствовало такое четкое и дробное разделение по возрасту, как, например, в Хорезме и некоторых других районах. Мужчины старшей возрастной группы, как правило, после 60 лет или совсем не участвовали в собраниях, или же собирались в специальных помещениях при мечетях (*худжра*). Иногда этот возрастной рубеж понижался и составлял примерно 50 лет²⁸, что фактически приводило к разделению мужского объединения на три возрастные группы. По нашим материалам, именно так было в селениях Коштета, Бештал и Маньяк. В сел. Эгамбердыеабад в собрании традиционно участвовали представители всех возрастных групп начиная с 12-летнего возраста. Правда, как отмечали информаторы, уже в 1970-е годы у молодежи наметилась тенденция собираться отдельно, чтобы выйти из-под контроля старших.

В указанных селениях собрания организовывались следующим образом. Трое-четыре близких знакомых договаривались открыть сезон собраний. Один из них должен был устроить *масляхат* (узб. «совет», в данном случае – «общее организационное собрание»), в котором участвовали друзья и соседи. Всего могло собираться до 30 чел. Если селение было небольшим, все договорившиеся могли собираться в одной мехмонхоне. По сообщению М.С. Андреева, были и иные формы объединений – «по склонности знающих более или менее людей друг к другу, по соответствию в занятиях»²⁹. Р.Р. Рахимов упоминает объединения, организованные по социальному положению участников³⁰.

В ферганских объединениях начинали участвовать с 12, 15, 18, 20 лет. Какими нормами руководствовались при приеме подростков, источники не сообщают. В большинстве селений Ферганы, где возраст участников был 18–20 лет, основным требованием, как и в других регионах Средней Азии, являлась экономическая самостоятельность претендентов. Выборными руководящими должностными лицами были джурабоши (иногда им избирался хозяин мехмонхоны), помощник (*ёрдамчи*) и повар (ошпаз). Иногда выбирался специальный *бозорчи*, закупавший на базаре продукты³¹. В Оше у узбеков эти функции выполнял *мыргызап*. Раньше иногда в члены гапов принимали бедняка, чтобы он обслуживал собравшихся и дежурил по мехмонхоне – за это он освобождался от необходимости устраивать угощение. Освобождался от нее и повар. В компетенцию джурабоши кроме обычных обязанностей входило поддержание огня в мехмонхоне в те дни, когда гап не проводился (*sic!*), прием и угощение за свой счет гостя, если он останавливался в мехмонхоне. За это члены собраний посылали из общего котла семье джурабоши самое большое блюдо (*табак*) с пловом³².

Как и в других регионах, в Фергане участники собраний рассаживались в соответствии с этикетом. Летние собрания (*джумагапы*) устраивались раз в неделю по пятницам (*джума*) по очереди в домах членов объединения или, реже, на лоне природы. Число присутствовавших на этих собраниях не было жестко регламентировано, и поэтому их могло быть значительно больше, чем зимой. В сел. Караянтак,

например, собиралось до 50 чел., но угощение здесь устраивали четыре человека, а не один, что существенно сокращало затраты.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов стали появляться сообщения о мужских компаниях *шанбалик* (субботние). Они получили распространение среди учеников некоторых классов средних школ центральноферганских селений Миндон, Карашах, Новкент, Чирмоч, Зильха, Араб-мазар³³. Такие группы начинают формироваться в старших классах, после окончания школы или после возвращения из армии, и собираются они до тех пор, пока их участникам не исполнится 30–35 лет. Если первоначально данные группы собирались еженедельно (по субботам), то в позднее – только раз в месяц. Численность таких групп около 10 чел., редко 15–20. Иногда ученики двух параллельных классов объединяются в одну группу. Специфика этих объединений заключается в одинаковом возрасте их членов (поскольку они учились в одном классе), а также в том, что большинство участников живут в разных кварталах, а иногда и в разных селениях (поскольку средние школы есть не в каждом кишлаке). Члены таких групп собираются в зимний сезон у каждого участника по очереди. Он и несет все расходы. Никаких «должностных» лиц (включая джурабоши) не выбирается. Правда, практически в каждой подобной кампании есть свой неформальный лидер, или скорее «заводила». Поскольку именно на эту возрастную группу приходится основные семейные обряды, участники групп считают своим долгом и товарищеской обязанностью помогать своему джуре в их подготовке и проведении.

После распада указанных групп их бывшие члены вливались в состав традиционных гапов, которые складывались, как правило, на базе колхозных бригад. Эти группы включали в себя мужчин разного возраста (30–50 лет), свои собрания они проводили 2–3 раза в неделю (но не в субботу) в постоянной мехмонхоне одного из участников. Здесь уже был джурабоши (хозяин мехмонхоны), а также ошпаз (повар). В таких компаниях не могли участвовать сын с отцом, что объяснялось не только возрастными соображениями, но и тем, что сохранялось следующее представление: гап дает не конкретный человек, а стоящее за ним хозяйство.

Организовывались эти гапы по смешанному принципу долговременной складчины (когда на собранные деньги покупается овца) и очередностью угощения (когда оплата всего остального проводилась по очереди). Достаточно архаичным явлением было то, что члены таких групп собирались дважды в течение дня: днем они приготавливали шурпу (суп с бараниной), а вечером – плов. Замечено также, что в 1990-е годы наметилась тенденция к замене двухразовых сборов одноразовыми и к изменению периодичности встреч, которые становились реже.

Мужчины после 60 лет в этих селениях традиционно собирались в худжрах при мечетях, однако подобные сборы гапом не называли, поскольку считалось, что они посещают мечеть.

Таким образом, основным местом проведения мужских собраний в новейшее время были частные мехмонхоны, а также худжры для старших возрастных групп – там, где последние отделились. Но еще сравнительно недавно те мехмонхоны, в которых происходили встречи друзей, продолжали называться гапхона (а кое-где называются и сейчас), что указывает на существование в сравнительно недалеком прошлом специальных общественных сооружений, аналогичных ягнобским мехмонхонам и южно-таджикским алоухонам. Особенностью ферганских мехмонхона недавнего прошлого было наличие в центре помещения очага-костра квадратной или круглой формы, вокруг которого располагались члены компаний. В долине р. Соха эти очаги носили южнотаджикское название *чахлак*³⁴. Курные помещения назывались *хонаи-сиёх*, или *мехмонхонаи-сиёх* (черный дом, черная гостиница) у таджиков – или *кора уй*, или *кора мехмонхона* (то же самое у узбеков)³⁵. Таким помещениям мужские объединения отдавали предпочтение. Это и в 1970-е годы хорошо помнили пожилые мужчины.

Определенным своеобразием отличались мужские объединения Южной Киргизии. Например, в сел. Раваткувуд Баткенской обл., жителями которого до конца 1950-х годов были киргизы-кипчаки (позднее к ним подселились *нойгуты*), мужские объедине-

ния назывались ульпат, однако собрания их назывались гап. Суть последних состояла в следующем. Обычно группа соседей, человек 12–15, договаривалась организовать гапы в мехмонхоне у кого-либо из них. Хозяин мехмонхоны избирался джурабоши, причем его возраст не играл никакой роли. Основной функцией джурабоши было решение организационных вопросов, связанных с проведением собраний. Пищу готовил специально выбранный повар. Хотя собрания проводились каждый день, горячую еду готовили через день.

Главным организационным принципом был принцип очередности угощения, для которого каждый из участников по очереди приносил все необходимое. Тем не менее известен случай, когда отец одного из джурабоши специально держал и откармливал овцу, которую с началом сезона по рыночной цене продавал сыну для гапов (в данном случае собрания устраивались по возрастному принципу). При этом участники их, естественно, должны были сообща оплатить ее стоимость. Остальные продукты в этом случае, видимо, приносили по очереди. Весьма значительной на этих собраниях была роль старейшин. Они выносили решения по различным бытовым и хозяйственным вопросам, хотя формально все решения по важным вопросам принимались сообща. Высока была и социальная роль таких объединений. За серьезные нарушения мужчина мог быть исключен из членов объединения, и в этом случае его не принимали ни в какие иные группы. Одновременно нарушителя исключали из всех видов общественной взаимопомощи в селении.

В центре Ляйлякского р-на, в поселке городского типа Исфана, мужские объединения назывались *гаштак*. При значительных размерах поселка, делившегося в 1988 г. на 11 кварталов-махалля, в нем ежегодно функционировало 100–150 групп, т.е. в каждом квартале по 10–15 гаштаков. Кроме того, для правильной оценки местных форм этого социального института следует учесть и сложный этнический состав населения Исфаны, значительную часть которого составляли андижанские узбеки, а также киргизы-боксё (*бокса-себерген*), *аваты*, *канды*, *теиты*, *чучуки*, *найманы*, *эшкара*; жили здесь еще курды (переселенцы конца 1930-х годов), немного русских (в основном переселенцы конца 1960-х – 1980-х годов) и казанские татары, поэтому этнический состав многих гаштаков был смешанным. Например, среди 10 участников одного из гаштаков были 5 киргизов, 2 татар, 1 курд, 1 узбек, 1 русский (из старых поселенцев). Общение в этом гаштаке велось на киргизском языке.

Собирались гаштаки Исфаны с октября до начала весенних полевых работ раз в неделю (по субботам), по очереди у каждого участника. Если сезон заканчивался раньше, чем полный круг угощения, то следующий сезон начинался с того из членов группы, чья очередь угощения была в предыдущем сезоне. Однако очередность угощения здесь заключалась лишь в организации приготовления еды и предоставлении мехмонхоны, так как участниками объединения вносился денежный пай из расчета 2 руб. на каждое собрание (1988 г.), на которые закупались продукты. Разница в возрасте участников собраний обычно составляла 5–10 лет, а в группе ученых (мулл) возрастные границы были более широкие. Учитывая, что принимать участие в гаштаках тут начинали с 18–20 лет (чаще всего после армии, так как основным критерием приема в них являлась экономическая самостоятельность), то практически, видимо, происходило деление на две возрастные группы.

Каждый гаштак объединял не только друзей, но и лиц, близких по профессиям или интересам, например представителей торговли, любителей карточной игры и т.д., поэтому большинство гаштаков имело в обиходе свои прозвища: «торгаши», «водилы» и т.д.

Во главе гаштаков стояли выборные джурабоши, в помощь которым выбирались два помощника (ёрдамчи) и один кассир. Джурабоши избирался наиболее авторитетный член группы независимо от возраста. В его функции входил контроль за посещением, соблюдение антиалкогольного законодательства (во второй половине 1980-х годов), установление очередности собраний, определение материальной помощи членам гаштака и др. Ёрдамчи налагали штрафы, закупали на базаре продукты.

Джурабоши и кассир после каждого третьего гаштака отчитывались перед группой о расходах. Налагаемые штрафы шли на общий стол. Существовала определенная такса за разные виды провинностей: опоздание – 3 руб., приход пьяным – 5 руб., трехкратная неуплата взноса – оплата в двойном размере и т.д. При этом сам джурабоши находился под общей юрисдикцией и мог подвергаться наказаниям. Например, за трехкратную неявку на собрания без уважительной причины он мог быть переизбран. Известен случай, когда один из джурабоши был переизбран за порочащие его связи с женщинами. За крупные нарушения порядка и этикета мог быть исключен любой из членов гаштака. При этом его не принимали ни в какие иные группы, хотя в свой гаштак, при определенных условиях, он мог все же вернуться.

Влияние гаштаков на своих членов было достаточно велико. В них обсуждались и проблемы личной жизни участников. В ряде случаев, например, если член группы хотел развестись с женой, на него оказывалось давление с целью побудить отказаться от этого намерения.

В 1980-е годы гаштаки находились под определенным контролем государства: иногда их посещал милиционер, чтобы проверить порядок и убедиться в отсутствии правонарушений. Однако существовало и иное, неофициальное, но весьма эффективное влияние на членов гаштаков. Имеется в виду влияние неофициальных мулл и квартальных советов. Нередко такие муллы вызывали к себе джурабоши и наставляли их по поводу тех или иных конкретных мероприятий.

Учитывая, что местные киргизы до 1930-х годов вели полукочевое хозяйство, причем лишь на рубеже XIX–XX вв. они стали переходить от переносного к стационарному жилищу, можно предполагать, что основные принципы организации, терминология и т.д., относящиеся к мужским объединениям Исфаны, заимствованы ими от окружающего оседлого таджикско-узбекского населения³⁶.

Киргизы Ошской обл., а также проживавшие в южных районах Андижанской обл. практиковали при организации объединений принцип тукма. Показательно в этом отношении сел. Бештал, делившееся на два квартала-махалля – Кадаксин и Бештал. В первом из них проживают киргизы-джору (*абышка, мамбетулло, кулали*), во втором – узбеки. Каждое махалля практиковало свою форму собраний: узбеки – гап, киргизы – тукму, подразумевая под ней сезонную продовольственную складчину.

Следует хотя бы кратко остановиться и на женских объединениях, аналогичных объединениям мужчин³⁷. По рассказам участниц женской группы из сел. Миндон, в конце 1980-х годов они, решив не отставать от мужчин, раз в месяц по субботам (шанба) стали устраивать увеселительные собрания, в которых участвуют замужние женщины 20–45 лет. Каждая из них, по договоренности, приглашает соседок к себе в дом и на свои средства устраивает угощение. Начинаются такие вечеринки в 7–8 часов вечера и продолжаются до полуночи. Носят они исключительно увеселительный характер³⁸ (не верится, что на этих собраниях не обсуждаются злободневные бытовые проблемы, так как женщины-соседки в обыденной жизни связаны многочисленными обязанностями взаимопомощи. – В.Б.). Исследователи делают также совершенно правильный вывод о том, что такие женские компании родились из традиционных женских трудовых артелей³⁹.

Ферганские мужские объединения составляют неотъемлемую часть мужских объединений всех коренных народов Средней Азии. Они выполняют те же социальные функции и так же организуются (при значительном многообразии конкретных организационных форм). Заметим, что принцип многообразия присущ всем объектам материальной и духовной культуры всех, без исключения, народов. Именно это многообразие форм являет зримое проявление механизма адаптации культуры к непрерывно изменяющемуся миру.

На протяжении XX столетия мужские объединения населения Ферганской долины менялись, подчиняясь общим законам развития. Они в значительной мере утратили функцию неформального управления жизнью общины и стали существенно больше выражать интересы отдельных социальных, профессиональных или дружеских групп,

что позволило им выйти за пределы не только родовых или соседских общин-махалля, но даже за пределы отдельных селений. Все меньше соблюдаются традиционные этикет и ритуалы, значительно демократичнее становятся взаимоотношения внутри групп; приметы современной культуры и признаки современных общественных и личных отношений все больше вторгаются в жизнь этого традиционного и достаточно консервативного института. Появились, особенно в последнее десятилетие, варианты его организации, такие, например, как шанбалик, и даже женские объединения, что в прошлом было исключено.

Имеющиеся материалы показывают и определенную специфику «общеферганских» мужских объединений, позволяющую выделить на этой основе особый историко-культурный феномен. Так, вплоть до 1950-х годов в массе своей сохранялись такие общественные сооружения, как курные гапхоны, специально предназначенные для проведения мужских собраний с преимущественным использованием по отношению к последним термина гап. Сохраняется применение понятия гапхона к тем мехмонхонам, где происходят собрания. В то же время нельзя не отметить и специфическое для Ферганы разнообразие названий этого института, что, несомненно, связано с исключительным полиэтничным составом ее населения (см. таблицу), а также сохранение у некоторых мужских объединений персонажей, не зарегистрированных в других регионах.

**Некоторые формальные различия мужских объединений
Верхнего Зеравшана, Северного Таджикистана и Ферганской долины в XX столетии**

Регионы		
Верхний Зеравшан	Сев. Таджикистан	Ферганская долина
Названия объединений		
тукма	тукма	тукма
гаштак	гаштак	гаштак
харифона	харифона	харифона
гапхури	гапхури	гапхури
		гап
		гапфона
		гаплаш
		джумагап
		ульпат/ульфати
		зиёфат
		шанболик
Названия выборных лиц (<i>мансабдор</i>)		
джурабоши	джурабоши	джурабоши
аксакал/осакод	осакол	—
сардор	—	сардор
эликбоши	—	—
—	мингбоши	—
—	—	бобо-аллями
Названия повара		
ошпаз	ошпаз	ошпаз
табок/табоб	—	—
—	—	бакауль/боковул
Другие выборные должности		
ёрдамчи	ёрдамчи	ёрдамчи
ёрдамчи ошпаз	—	—
		мыргызап
		бозорчи
		кассир

Примечания

¹ Ссылки будут даваться только на опубликованные материалы.

² Это населенные пункты Аштского р-на – Самгар, Камышкурган, пгт Шайдан, Пангаз, Ашоба, Гудас, Сарикамыш, Ашт; Канибадамского р-на – Каракчикум; Исфаринского р-на – Ворух, Танги-Ворух, Чорку, Найман, Чор-кишлак, Сурх, Чильгазы, Кулькент, Ляккан, г. Исфара, Навгилем (Республика Таджикистан); Ферганской обл. – Яккатут, Найманча, Бешкапа, Ишон-кишлак, Чеккупрук, Тамаша; Наманганской – Чедак, Мазар-буво (Пардар-Турсун, совр. название группы селений Чоркесар), Маргузар, Ташкурган; Андижанской обл. – г. Андижан, сел. Эгамбердыеабад, Бештал, Коштета, Манияк (Республика Узбекистан); Джелалабадской обл. – Хозрати-буво, Алабука; Ошской обл. – г. Ош; Баткенской обл. – пгт. Исфана, Раватковуд (Республика Киргизстан).

³ Таджикско-русский словарь (М., 1954) указывает для слова *ганхури* равенство значения со словом *гаштак* – зимние собрания мужчин селения или квартала (с. 110) (от *ган* + *хор*: 2-й компонент сложных слов со значением поедающий, пожирающий, пьющий; от *хордан* – есть, кушать).

⁴ В таджикском языке от глагола *гаштан* – вращаться, возвращаться + суффикс *ак*, образующий отглагольные существительные (в узбекском то же, но и *гашт* – удовольствие, наслаждение). Видимо, у оседлого населения Ферганы совместились оба смысла слов «гашт» и «гашт» – повторяющееся удовольствие.

⁵ *Ульфат* (тадж.) – дружба, друг, но исторически *улуфа* – земельный участок, пожалованный в пожизненное пользование; *ульфат* (узб.) – друг, дружба, но одно из значений – «устроить вечеринку».

⁶ Несмотря на то что в современных иранском, таджикском, а также узбекском языках слово *ган* означает «разговор, беседа» с некоторыми семантически близкими значениями (в иранском со смещением значения в сторону «болтовня, хвастовство», а в узбекском одно из значений – «вечеринка с угощением»), можно попытаться найти его первооснову. Так, в IV в. до н.э. в пределах Римской империи с грекоязычным населением в койне, принятом у иудейской диаспоры, слово *агапы* (*agape*, мн.ч. *aganai*) означало любовь, братское вкушение пищи, братские собрания. Последнее значение имело это слово и у ранних христиан (*Амброджио Донини. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана). М., 1989. 2-е изд. С. 14).*

⁷ Сообщения М. Эгамбердыева (1891 г.р.), Н. Хасанова (1905 г.р.), Х. Байбабаева (1910 г.р.). Полевая запись от 15 июля 1982 г.

⁸ О значении слова *тукма* см.: Бушков В.И. Мужские объединения на современном этапе развития таджикостанского общества // Расы и народы. Вып. 27. М., 2001.

⁹ Рахимов Р.Р. Мужские объединения у узбеков и таджиков Ферганской долины // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 38–39. Не могу согласиться с Р.Р. Рахимовым, считающим, что «строгая очерденность... была одной из характерных особенностей ферганского гапа» (с. 39). Речь должна идти о принципе складчины, замещающемся принципом очередности, т.е. о смешанных организационных формах.

¹⁰ В сел. Тамаше в собраниях можно было участвовать с 12 лет при условии разрешения со стороны родителей и обеспечения ими паевого взноса. В других селениях начальный возраст определялся требованиями экономической самостоятельности участника.

¹¹ Перевод слова *харифона* достаточно сложен. В персидском и таджикском словарях есть слова, семантически могущие быть его основой. Это соответственно *ариф* – 1) соперник и т.д. 2) партнер, товарищ, 3) сотрапезник; и *хариф* – 1) партнер, 2) сотрапезник, конкурент. В русско-таджикском словаре (М., 1985. С. 10–15) слово *харифона* означает складчина, ист. – братчина; в таджикско-русском словаре (М., 1954) такого слова нет. Есть лишь слово *хар* – основа наст. вр. глагола *харидан* (покупать, закупать). В узбекско-русском словаре *харифона* – складчина.

¹² Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы) // Изв. общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. 1. Ташкент, 1928. С. 118.

¹³ Тадж. *Бобо* – дед + *аллома* – ученый.

¹⁴ В переводе с таджикского распорядитель, повар на пиру; ист. – должность личного повара при дворах правителей.

¹⁵ По материалам Р.Р. Рахимова, такое угощение полагалось не повару, а *джурабоши*. Он вообще не упоминает выборного повара, но пишет о помощнике джурабоши – *бозорчи*. См.: Рахимов Р.Р. Указ. раб.

¹⁶ Об этом приходилось слышать во многих селениях, например в Пангазе, Мазаре-буво и др.

¹⁷ Хорошихин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 125, 138; Наливкин В.П., Наливкина М.В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения. Казань, 1886. С. 127–128.

¹⁸ Наливкин В.П., Наливкина М.В. Указ. раб. С. 127.

¹⁹ Об институте бачей см., например, Снесарев Г.П. О реликтах мужских союзов в истории народов Средней Азии. М., 1964. С. 7; о его генезисе см.: Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 320–325.

²⁰ Хорошихин А.П. Указ. раб. С. 138.

²¹ Андреев М.С. Указ. раб. С. 117. В настоящее время селения Алабука и Хозрати-буво входят в состав Джелалабадской обл. Республики Киргизстан.

²² Рахимов Р.Р. Указ. раб. С. 34, 38.

²³ В тексте автор – Р.Р. Рахимов упоминает как сам собой разумеющийся факт использования М.С. Андреевым в работе «Поездка летом...» термина *gap* как названия собраний (с. 38). Однако это не совсем верно. М.С. Андреев пишет лишь о том, что помещения, где собирались мужчины, назывались *gapxona*, что не одно и то же.

²⁴ Гаплаши (узб. *gap* + *-лаши* – способ образования отлагательного существительного; *лаши* – суф. совместного залога) – беседа, собрание со значением совместительности.

²⁵ Как и в случае с понятием *джура*, термин *худжра* используется в названии мужских объединений по недоразумению, поскольку *худжра* – всего лишь специальное помещение для проведения собраний мужчин, как правило, старшей возрастной группы, но ни в коем случае не сами собрания.

²⁶ Исмаилов Х. Поселения и жилища сельского населения Ферганской долины // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков: Сб. статей. Ташкент, 1972. С. 86.

²⁷ Кисляков Н.А. Таджики долины Сох // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А.А. Семенова. Тр. АН ТаджССР. Т. 17. Сталинабад, 1953. С. 117; Рахимов Р.Р. Указ. раб. С. 41. Этот реликтовый для второй половины XX столетия способ обеспечения мужских объединений (союзов) общиной известен для Южного Таджикистана, верховьев Зеравшана, Северного Таджикистана. См., например, Нурджанов Н. Таджикиский народный театр. М., 1956. С. 52–58; Файзуллаев М.Ф. Таджики предгорий Северного Таджикистана. Хозяйство и социальная организация (конец XIX – первая треть XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 138–139.

²⁸ Рахимов Р.Р. Указ. раб. С. 35–37.

²⁹ Андреев М.С. Указ. раб. С. 117.

³⁰ Рахимов Р.Р. Указ. раб. С. 37–30.

³¹ Андреев М.С. Указ. раб. С. 117.

³² Рахимов Р.Р. Указ. раб. С. 30.

³³ Абашиш С.Н. Социальные взаимоотношения в современном узбекском кишлаке (по материалах Ферганской долины): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 170–173; *его же*. Вопреки «здравому смыслу»? (к вопросу о «рациональности/иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Вестник Евразии. № 1–2(6–7). М., 1999. С. 100.

³⁴ Кисляков Н.А. Указ. раб. С. 117.

³⁵ Андреев М.С. Указ. раб. С. 118; Исмаилов Х. Указ. раб. С. 92.

³⁶ Бушков В.И. Указ. раб. С. 230–237.

³⁷ Кажется, первой обратила внимание на современные женские объединения Н.П. Лобачева, посвятив им специальные работы: Лобачева Н.П. Древние социальные институты в жизни современной семьи народов Средней Азии // Семья: Традиции и современность. М., 1990. С. 37–46; *ее же*. Сверстники и семья (К вопросу о древней половозрастной градации общества у народов Средней Азии и Казахстана) // Сов. этнография. 1989. № 5. С. 86 и далее. Однако ее материалы относятся не к Фергане.

³⁸ Горишнова О.В. Образ жизни современной узбекской женщины (по материалам Ферганской долины): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 200–204. Автор упоминает также и «смешанные» гапы, в которых участвуют несколько брачных пар. Действительно, такие собрания стали появляться в начале 1990-х годов, например, в Ходженте. Однако там мужчины и женщины собирались в разных помещениях. Кроме того, как только экономическая ситуация ухудшилась и проводить такие встречи стало дорого, женщины тут же были «возвращены» к домашнему очагу.

³⁹ Там же. С. 199.

V.I. B u s h k o v. Male unions in the Ferghana Valley of the 20th century: organization principles and transformation processes

This article treats of the male unions among the population of the Ferghana Valley – Tajiks, Uzbeks and Kirghizes. It summarizes the studies in this theme carried out from the last third of the 19th century to the mid – 1990s and analyses the main aspects of this social institution: principles of organization and corresponding terminology, elective persons and their functions, meeting places, etc., with special attention paid to the transformations in this institution during the 20th century. The author draws a conclusion concerning partial changes in the social functions of the male union's institution which is gradually losing its positions in the non-formal control of the commune's life, and points also to the emergence of some female «entertaining» unions in the Ferghana Valley. In the author's opinion the flexibility of the institution of male unions allows it easily adapt itself to the changes and growing complexity of the world and more fully satisfy the requirements and needs of society.